

ЗЕМЛЯ МОЕГО СНОВИДЕНИЯ

Сновидения (*туш*) и их интерпретации занимают важное место в повседневной жизни алтайцев. *Туш* в алтайском языке – многозначное понятие, используемое как имя существительное и как глагол. Это "сновидение", "день" (многие события во сне происходят днем), "спускайся", а также, возможно, *туш* как "чужой/иной" (*тушман* – "враг").

Процесс собственно сна называется *уйку/уйку*. Сон в алтайской культуре имеет следующие наименования, связанные с его продолжительностью и качеством: *юлкай* *уйку* – кратковременный (дневной) сон; *ургулеер* – кратковременный сон-дремота; *тууьыраар* – кратковременный сон-дремота; *терен уйку* – длительный, глубокий сон; *сыр уйку* – длительный, спокойный, полноценный сон; *карамтыгар* – кратковременный болезненный сон-забытье-дремота; *каран базар* – полусон-полуявь, во время которого на человека "наваливается" (будто бы садится на грудь или душит "нечто черное"), буквально "чернота придавливает", когда осязаемо присутствие кого-то, при чем в этот момент спящий понимает, что этот некто не из мира людей, а из "иного" мира.

Сновидения подразделяются на следующие виды: *юлкай/юлкай туш* – сновидение во время кратковременного сна, сновидение-обрывок (может быть, от *юлкай* – "резко дернуть", сон-"урывок"); *корё туш* – сновидение-ясновидение, вещий сон (от *кёр* – "видеть", "смотреть"); *эш кереги жок туш* – ненужный, никчемный, пустой сон.

В этих разновидностях названий сна (и возможных сопутствующих сновидений) интересна близость *ургул-еер*, "дремать", и *ургул-ю*, "вечность", "всегда", "постоянно". Возможно, близость этих понятий обусловлена концептуальным единством пространства и времени, относящимися к категории вечного, и сновидения как элемента ясновидения, то есть видения того, что уже было или еще будет, находящегося в некоем пространстве и времени. Также родственны, очевидно, *тууьы-раар*, "дремать", и *тууьы*, "поэма", в смысле повествование о ком-либо, о чем-либо. Это сходство наводит на мысль, прежде всего, об эпическом повествовании. В алтайской эпической традиции мир богатырей, героев сказаний сосуществует с миром людей: всегда, когда сказитель *кайчы* исполняет горловым пением кай эпос *кай чөрчөк*, его слушает сам герой повествования, дабы сказитель спел правильно. В случае неправильного исполнения *кайчы* может быть наказан – богатырь "уносит" его в *свой мир*, что истолковывается как уход в иной мир, как смерть сказителя в мире живых людей.

Пространственно-временной аспект очевиден и в термине, обозначающем сновидение: *туш јеримде* – букв. "в моей земле (местности/пространстве) сновидения". Пространство сновидения локализовано внутри архаичной трехсоставной вертикальной (верхний, средний, нижний миры) и двусоставной горизонтальной (населенная людьми земля и населенная душами земля) модели мира. Оно, гипотетически, расположено в точке пресечения вертикальной (средний мир) и горизонтальной плоскостей, между мирами/"землями" живых и умерших людей, божеств и духов. Подобное "межмиренное" нахождение земли сновидения проистекает из возможности *видеть* во сне живых людей, существующих в реальной жизни сновидца; умерших людей, "живущих" в ином мире; людей, которые должны появиться вскоре, т.е. людей из будущего. Земля сновидения – это особый пространственно-временной континуум.

Э. (мужчина 46 лет, с экстрасенсорными возможностями, рассказывал на проведении 40-го дня со дня смерти молодой женщины):

"Я видел сон. Ее муж (умерший за 1 или 2 года до жены) приснился. У него хорошее настроение было. Сказал – вот, дом уже достраиваю – осталось только крышу возвести и покрыть. Думаю, каким именно материалом покрыть. А так наш дом готов. Интерпретация моего сна такова – муж ждал смерти жены, этот сон возвещал ее скорую смерть. Несмотря на то, что люди говорят, что на том свете муж живет с первой женой (а умершая была второй женой), в этом случае он строил дом и ждал именно вторую жену".

Следует отметить, что в сновидениях люди из будущего (дети) воплощаются не в обычные человеческие тела, а предстают в виде понятных всем предметов-символов, связанных с будущим полом и трудовыми принадлежностями: девочки – серьги, кольца; мальчики – седло, уздечка, топор.

А. (мужчина 34 лет):

"Я помню мамин рассказ о своем сновидении, приснившийся ей за три дня до приезда людей, сосватавших мою старшую сестру. Она рассказала, что во сне ходила куда-то, может быть, в магазин, и поменяла камни-вставки на своих золотых серьгах: вместо красных камней ей вставили черные камни. Думаю, что этот сон предсказал появление у нас зятя, нового члена семьи".

А. (женщина 28 лет):

"Я видела во сне два раза подряд, что отдаю свои золотые серьги младшей сестре. Это было весной. В мае я поехала домой в деревню и вправду отдала ей свои серьги. В этом же месяце ее засватали. В день свадьбы она подарила мне другие золотые серьги, чтобы не забрать мое счастье, поскольку я еще не замужем".

Между этими мирами имеются границы, обозначаемые в сновидениях как другая сторона дороги (событие происходит через дорогу), как другой, противоположный, берег реки. На той (чужой, иной) стороне происходят события, интерпретируемые как предвестники будущих реальных ситуаций/действий.

М. (женщина 44 лет):

"Когда мне снятся *көрө туш*, связанные с моей семьей или с родственниками, или соседями, всегда вижу, как будто бы события происходят либо через дорогу, либо на другом берегу, но почти всегда – в направлении деревенского кладбища".

Ландшафт земли сновидений, как правило, связан с местом жительства сновидца. Вместе с тем в сновидении люди могут видеть те места, в которые имеют намерение поехать в скором времени, причем это намерение ими было вербализовано. В этом случае считают алтайцы, в данную местность направляется душа-"бродяжка" *тенибер суне*. Очень часто снятся сюжеты, связанные с достаточно отдаленным будущим: впоследствии, находясь в виденном во сне месте, человек "узнает" ситуацию (картинку) или интерьер, или ландшафт или людей, с которыми в реальности вступает в коммуникацию.

Э. (мужчина 32 лет):

"Я помню сон, который приснился мне, когда я учился в 7 классе. Позже, находясь на службе в армии, в Монголии, я вновь увидел эту местность. В тот момент я "узнал" эту местность, но не мог вспомнить, когда я здесь уже как будто бы был. Вспомнил о том, что я видел это место во сне, уже после возвращения из армии, лет через пять".

Временной аспект сновидения заключен в представлениях алтайцев о том, что сны и особенно "вещие сны" *көрө туш* позволяют увидеть то, что случится скоро или в отдаленном будущем. Сновидение – это предсказание и предзнание о будущем и настоящем. Потому интерпретации и пониманию, принятию превентивных мер для предотвращения некоей грядущей беды уделяется много внимания.

Прежде всего сам сновидец, проснувшийся с мыслью о том, что увиденное им сновидение имеет негативный смысл, как правило, совершает обряд *алас*, окуривая себя,

детей, жилище горячей веточкой можжевельника *арчын*. Плохой сон следует обязательно рассказать человеку, могущему интерпретировать его и помочь понять символику сновидения. Чтобы приснившееся не материализовалось, о нем нужно сказать вслух, следует рассказать вообще, если даже нет слушателя, то, встав лицом к окну, к открытому пространству. Хороший сон можно рассказать только после его исполнения. Сразу рассказывать нельзя – чтобы не "заболтать".

Для интерпретации сновидения важны следующие параметры: время суток (час), фаза луны, место, увиденное во сне и место, где человек спал. "Легитимные" интерпретаторы, с точки зрения традиции – "знающие" люди из категории *неме билер киж*. Люди, имеющие высокий сакральный статус, такие, как сказители и шаманы, могут даже *видеть (знать)* чужие сны.

Э. (девушка 28 лет):

"Когда я была маленькой, лет 7–8, мне приснился какой-то страшный сон, сейчас не помню какой, который я рассказала бабушке. Она сразу же повезла меня к кайчы (сказителю) Алексею Григорьевичу Калкину. Он сказал бабушке, что именно я видела, и что именно следует сделать. Он у меня ничего не спрашивал. Бабушка после этого возила меня на аршаан (целебный источник)".

Значимые для интерпретации сновидения периоды времени внутри суток – это раннее утро, или предрассветные сумерки, и сумерки вечерние, называемые *кызыл энир* "красный вечер", ночь между 3 и 4 часами. В это время могут сниться сновидения, истолковываемые как негативные. Указанные интервалы в традиционном суточном календаре алтайцев характеризуются как неблагоприятное время. К неблагоприятному времени, кроме "красного вечера", относится период от полуночи до рассвета. Существуют и соблюдаются поныне запреты, связанные с неблагоприятным и опасным временем суток. В эти часы нельзя выносить из дома молоко и молочные продукты; огонь, нельзя выходить из юрты с прикуренной сигаретой или непогашенной трубкой; нельзя ходить за водой, колоть дрова. В это время нельзя спать, особенно детям, так как человек может быть задушен (букв. "нечто черное будет давить" – *кара немеге баттырар*). Детей заводят в жилище, не разрешая шумных игр, ссор – чтобы на шум не собралось "нечто черное", *кара неме*, т.е. нечеловеческие сущности. Запрещая детям играть вечером, старшие тем самым предохраняют их от перевозбуждения, могущего привести к сноговорению и к снохождению, называемым *ууларар*.

Период времени от рассвета до полудня считается наиболее благоприятным в сутках. Именно в это время спят ясновидящие (как правило, женщины), чтобы *увидеть* вещий сон. Судя по рассказам моих собеседников, максимальная длительность вещего сна – примерно полчаса, а то и менее.

А. (женщина 40 лет):

"В годы войны женщины нашего села (с. Каспа Шебалинского р-на) ходили к ясновидящей, чтобы узнать, живы ли их мужья и сыновья, воюющие на фронте. Она ложилась спать на несколько минут и потом рассказывала, например, что муж заказчицы отправил ей письмо, или что он жив-здоров и т.п."

М. (женщина 44 лет, фольклорист):

"Мне рассказывали во время экспедиций, что видящие вещи сны женщины стараются увидеть сон именно утром. Для этого они быстро управляют по хозяйству, доят коров, отгоняют их в стадо, готовят чай для домашних и потом ложатся спать. В эти часы, от рассвета до полудня, они видят правильные сны".

Важен для толкования сновидений и лунный календарь. Дни "новой луны" *айды жаньызы* от третьего до пятнадцатого считаются благоприятными для проведения различных благих мероприятий, для испрашивания благодати *бийан сураар*, в том числе для проведения религиозных обрядов, для важных начинаний. В эти дни рекомендуется отправляться в дальний путь, посещать целебные источники, обращаться к лека-

рям, проводить свадьбы и праздники, составной частью которых являются религиозные церемонии. Сновидения, приснившиеся в этот период времени – от "третьей новой луны" до "восьмой новой луны", считаются вещими, правильными. И, наоборот, никчемными и путанными считаются сновидения, приснившиеся в периоды "старой луны" и "переворота луны". Согласно традиционным календарным представлениям, наиболее неблагоприятными и даже опасными для жизни и здоровья людей считаются дни без луны, когда происходит "переворот" луны. В эти дни (вернее, ночи) "кишмя-кишит нечто черное", *кара неме кыймыраар*. Эта "нечисть" – слуги хозяина подземного мира Аабы-каана (или Эрлика), рыщущие по земле в поисках наживы, – "душ" (*кут*) людей. Самыми незащищенными являются "души" детей и молодых женщин. Поэтому пожилые алтайцы заранее, перед наступлением дней и ночей "переворота луны", напоминают о необходимости внести в дом сушащееся во дворе белье, особенно если оно принадлежит ребенку, не достигшему семи лет, так как "души" маленьких детей имеют обыкновение кружиться возле своего белья. В этот период по вечерам нельзя выливать воду, в которой купали ребенка или стирали его белье, выносить золу, отдавать что-либо (продавать, дарить скот, вещи) на сторону и пр. Считается также, что как человек, так и скот, родившиеся в дни "переворота" луны, нежизнеспособны.

Интерпретация сновидения зависит также от того, кем является сам сновидец, – обычным человеком или человеком, одаренным шаманским даром в любом его проявлении. В современных условиях важна также среда, в которой вырос сновидец, вернее, его отношение к сновидениям, их символике, истолкованию. Как правило, воспитание в лоне традиционной культуры предполагает умение толковать символику сновидения и принимать превентивные меры.

Люди, обладающие даром ясновидения, проявляющемся в виде сновидений, называются *тушчи* (букв. "сновидящий") и относятся к категории шаманствующих низшего ранга (*Тюхтенева* 1999).

Сновидения в культуре алтайцев являются "воротами" в мир сверхзнания (аналог тому "миру", который в некоторых религиозно-философских учениях и практиках именуют "тонкий мир", "информационное поле", "космос"). Традиционными толкователями сновидений являются "знающие" люди *неме билер кижги*, к числу которых относятся *тушчи*. Если для людей с обычными способностями сновидение является, в случае внимательного к ним отношения, сигналом или предупреждением о чем-либо, то для "знающих" людей – ратным полем борьбы со злокозненными существами "иного" мира. Главное отличие отношений обычных людей и "знающих" – это восприятие ими своих сновидений всерьез, как вести о неминуемо грядущем событии.

В. (женщина 46 лет, из семьи с шаманскими корнями, на тему сновидений разговаривать не пожелала, рассказала только следующее):

"Я могу во сне уничтожить плохое. Не знаю, что это такое и как оно выглядит, чувствую только, что это что-то плохое. Я просто "смотрю" на это и оно исчезает, как будто бы превращается из большого в маленькое, потом в точку, потом вовсе растворяется".

А. (женщина 35 лет):

"Моя сестра часто видит *көрбө туш*. В начале июля мой сын потерялся в тайге, мы искали его 5 дней. После того, как на 6 сутки он вышел к дороге и вернулся домой, моя сестра сказала мне, что перед этим очень часто видела меня во сне. Оказывается, сказала она, я видела тебя потому, что ты доставишь нам такое беспокойство (в связи с поисками мальчика)".

Ч. (женщина 44 лет):

"Я во сне могу исправить ту ситуацию, которая сложилась в предыдущем сне. Ну, например, снилось мне такое: я вижу, что моя мама упала в прорубь, а я не успела ее схватить. Я просыпаюсь, но не совсем, отчетливо помня все, и, желая исправить случившееся, засыпаю дальше. Во втором сновидении я возвращаюсь в то же место, на реку, бегу ниже по течению, быстро делаю новую прорубь во льду и вытаскиваю маму".

О безусловной связи сновидения с мифологическим сознанием, с юнгианским коллективным бессознательным, или архетипами, может свидетельствовать следующий сюжет сновидения о прошлом.

С. (сновидение ныне покойного мужчины 25 лет из семьи с шаманскими и бурханистскими корнями, рассказан его сестрой):

"Он видит себя идущим по незнакомой местности, ему кажется, что он в верхнем мире, видит небольшую алтайскую юрту. Входит. Сидит старуха. Он здоровается, она предлагает ему чай. В это время слышно, как подъезжает всадник. Входит молодой мужчина, спешно здоровается со старухой, спрашивает: "Не заходил ли к вам мой брат?". Она отвечает "Нет", мужчина уходит. Через некоторое время подъезжает второй, после его отъезда – третий мужчина. Все очень торопятся, спрашивают друг о друге. Молодой человек спрашивает: "Кто эти мужчины и почему они так спешат, что не пьют чай и не ждут друг друга?". Старуха говорит: "Это – время. Самый старший мужчина – это прошлое, средний – настоящее, самый молодой – будущее. Они не должны встречаться друг с другом – время не может останавливаться".

Мифотворчество посредством сновидений – еще один аспект традиционной культуры алтайцев, продуцируемый по сей день. Существует отчетливая связь между актуальными темами общественной жизни и сюжетами сновидений. К примеру, летом 2002 г. в с. Теленгит-Сортогой Кош-Агачского р-на моя собеседница Н.К. рассказала мне следующее:

"Недавно моя знакомая увидела во сне ту молодую женщину, мумию которой раскопали на Укоке. Когда она рассказала мне свой сон, я была поражена тем, что почти такой же сон приснился еще двум разным женщинам – одна из моего родного села Инегень Онгудайского района, она рассказала мне его сама, а вторая из Шебалинского района, о ее сне я случайно услышала, когда ездила в город в больницу. Сон такой. Девушка из Укока приходит к сновидцам и просит помочь ей вернуться домой, на Алтай. Она рассказывает о себе следующее. Ей 24 года, она девушка (*кыс бала* – "незамужняя"), дочь хана-воина, и брат ее был воин. Они оба погибли в сражениях. Поэтому она, как младшая, жила у своей старшей сестры. Сестра была замужем. Она жила у дверей, у порога жилища сестры. Ей было очень трудно жить у сестры, потому что к ней плохо относились. Она родилась с особым даром, заключающимся в том, чтобы служить курчуу (поясом-оберегом) для своего Алтая. Внезапно она умирает. Ее сестра отравила. Но она не ушла одна, а взяла с собой сестру. Перед тем, как похоронить, люди вынули из ее грудной клетки легкие и сердце и положили птичий пух, а вместо желудка и кишок – ароматные травы. Когда с нее убрали лед, ей стало так легко дышать. Она была этому рада. Но находиться вдалеке от Алтая она не может. Поэтому она решила попросить помочь ей вернуться домой. Она должна оберегать Алтай и потому должна вернуться".

Это (эти) сновидение изобилует этнографическими деталями. "Жить у дверей жилища" означает, согласно нормам обычного права, что этот человек, в данном случае "укокская" девушка, младше возрастом, чем хозяйка юрты. В отсутствие мужчин (в связи с гибелью отца и брата) забота о ней лежит на ее замужней сестре. Социальный статус старшей сестры выше, чем у младшей, поскольку последняя относится к категории "знающих" людей. "Знающие" традиционно считаются несчастливцами в частной жизни, они, не имея семьи, могут не иметь и собственного жилища. Выражение "вернуться домой" означает возвращение на плато Укок, на постоянное место пребывания ("жительства") посмертной души.

Тема возвращения "принцессы Укока" на Алтай из Новосибирска актуальна по сей день. Особенно часто об этом писали и говорили в 2003–2004 гг., после осеннего землетрясения 2003 г. Одной из причин землетрясений, происходящих в Горном Алтае уже третий год, люди называют небрежное отношение к своей родине и к предкам, в том числе и к "принцессе Укока".

В. (мужчина 48 лет, рассказ о сновидении конца 1990-х годов):

"Я решил сделать реконструкцию головного убора "принцессы Укока" для школьного кружка археологии. Почти все деревянные детали были готовы, не получалось только сделать две детали – дерево все время трескалось, когда деталь была почти готова. Долго му-

чился. Однажды во сне увидел, как именно можно выточить эти детали. Нужно было под определенным углом выгачивать – как видел во сне, так и сделал. И получилось”.

Концептуальное содержание феномена сновидений и их интерпретации в культуре алтайцев мне представляется наиболее явно представленным в следующем рассказе.

В. (женщина 44 лет):

«Когда бабушка была жива, каждый день рано утром в доме собирались почти все старики и старухи деревни – после отгона коров в стадо – заходили, как будто бы, чаю попить. Не здоровались – спрашивали "Как ночевалось?" (*Кандый конгон?*). Все, как правило, рассказывали свои сны. Обсуждали, о чем именно повествует, предупреждает то или иное сновидение. Потом разговаривали о том, что случилось в деревне ночью, рано утром. Рассуждали о том, на что указывают те или иные случаи (вой собак, беспокойство животных ночью, иные звуки и пр.)».

Сновидения, как явствует из этого рассказа, воспринимались пожилыми алтайцами как весть о том, чего следует ожидать и чего опасаться. Вероятно, исходя из норм народной культуры, целью ежеутреннего обмена новостями являлось осознанное коллективное управление общественной жизнью сельского социума, заключавшееся, в частности, в том, чтобы знать о предстоящих негативных событиях и предотвращать их.

Первое приветствие тому, кто ночевал в одном доме с приветствующим, звучит "Как ночевалось? / Как спалось?" (*Кандый конгон?*). *Конгон* – от глагола *конор*, "ночевать", от существительного *конок*, "сутки". Этот вопрос особенно важен в ситуации возвращения домой члена семьи после долгого отсутствия, либо если гость впервые ночевал в доме данного семейства. Сон, увиденный в первую ночь на новом месте, имеет большое значение для того, кто его видел и для того, в чьем доме спал сновидец.

Запоминаются и требуют активных действий обыкновенно сновидения, истолковываемые как негативные. Учитывая в процессе интерпретации сновидения время и место "события" сна, старики определяли его истинность. Результатом могла стать рекомендация собирающемуся в путь отложить поездку; тому, чью душу *видели* в обществе умерших людей – быть осторожным и т.д.

Э. (женщина 28 лет):

"Я воспитывалась у бабушки. Она умерла, когда я окончила среднюю школу. Я помню, что она всегда говорила – вот закончит школу моя внучка, так и умирать можно. Так и случилось. Когда она еще жива была, видела такой сон. Будто иду вверх по горе и так трудно мне идти, еле иду, никак не могу взобраться на гору".

Л. (женщина 31 года):

"У меня умерла бабушка, мамина мама. Перед моим отъездом в Москву, когда я была дома на каникулах, она сказала мне – не увидимся мы с тобой более, к следующему твоему приезду меня уже не будет на этом свете. Она была парализована уже много лет, страдала расстройством ... психики. После получения известия о ее смерти, после седьмого дня со дня смерти, видела сон – бабушка и дедушка (живой) вместе пришли, одеты в темное, как будто бы ходили на какое-то торжество в деревне. Я спрашиваю, а где же мама, а они говорят, она там осталась, не пошла с нами. Думаю, что вскоре дед умрет, наверное".

Особо относились, по воспоминаниям многих моих собеседников, бабушки и дедушки к снам своих внуков, а также ко сну молодняка домашнего скота. Поведение во сне младенца истолковывалось следующим образом – если ребенок смеется, значит, его Умай, богиня-защитница детей, забавляет; если ребенок плачет – значит, она его покидает и его пугают иные существа. Если "плачет" во сне ягненок, щенок, теленок, жеребенок – с ними разговаривают, чтобы разбудить и успокоить, дабы они "не боялись". Все дети до трех лет (в том числе и молодняк скота до года) до того, как начнут говорить, обладают даром *видеть* существ иного мира.

Ритуал рассказывания сновидений, воспринимаемых как предвестие о событиях будущего, таким образом, основан на стремлении управлять жизнью семьи и социума.

Универсальные архетипические символы сновидений и символы нового времени у алтайцев вкратце таковы: милиционер, солдат, любой человек в форме – "чужой", "иной", тревога; новый дом, выпадение зубов с кровью – к смерти; передние зубы – молодые покойники, коренные зубы – пожилые покойники; кровь – к приезду близкого родственника; видеть во сне умершего, уходящего, уводящего вместе с собой живого – к смерти последнего; видеть нож, ножницы и любой другой острый предмет, *миисту*, *курч неме* – к ссоре, выяснению взаимоотношений; змея – неприятные разговоры, ссоры, сплетни и пр., называемые в целом *тил-оос*, "язык-рот"; экскременты – деньги; слезы – радость; радость – горе; смех – плач; есть – к болезни; входить в чистую воду реки девушке – к замужеству или к беременности; входить в грязную воду реки – к сплетням, пересудам; серьги – к рождению девочки; рыбы – дети, беременность; лошадь – мужчина; скот – богатство; хорошие символы, к удаче и прибыли – чистое, ясное небо; поляна с зеленой травой; масло, молоко (все "белое" – молоко и производные из него продукты); вши; пить чистую воду – к выздоровлению, здоровью; если в сновидении охотник вступает в сексуальный контакт с женщиной, в том числе и с реально существующей, – это знак удачи на охоте. Поскольку мир, который человек *видит* в своих сновидениях, является *иным* миром, то все плохое, что происходит с ним *там*, означает *здесь* хорошее, и наоборот.

В целом можно сказать, что сновидения, в зависимости от времени и места видения, представляются алтайцам средством коммуникации, позволяющим видеть то, что было или будет. И потому, вероятно, фразеологическое выражение *уч тужине кирбес*, "то, что не приснится даже во сне, в третьем сне", означает нечто такое несусветное, которое нельзя увидеть даже в пространстве, в котором человек может видеть то, чего нет в мире его реальности¹.

Примечание

¹ Выражаю признательность всем тем, кто помог мне в сборе и осмыслении материалов по сновидениям, и особенно моим коллегам и подругам Майе и Эльвире.

Литература

Тюхтенева 1999 – Тюхтенева С.П. "Неошаманство" на Алтае в 1980–1990-х гг.: ясновидение и сновидение в практике шаманствующих // Шаманизм и иные ранние верования и практики: Матер. междунар. конгр. Ч. 3. М., 1999. С. 92–98.